

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА



РОЗЫ  
ТЕНИ

# Наталья Владимировна Резанова

## Розы тени

### Серия «Снежный Ком: Ваккур»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=50288157](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50288157)*

*Розы тени / Наталья Резанова: ИП Штепин Д.В.; Москва; 2020*

*ISBN 978-5-904919-33-7*

### **Аннотация**

Первую альтернативную историю по Шекспиру написал, разумеется, Пушкин – на то и наше все. А поэма Шекспира «Лукреция», которую Пушкин избрал поприщем для своих упражнений, была написана на сюжет, изложенный Титом Ливием, прозванным «отцом альтернативной истории». Продолжить же пунктиром осевую линию шекспировских пьес будущим авторам советовал философ и фантаст Сигизмунд Кржижановский. В общем, все связано со всем.

Объяснить, что кроется за этой попыткой включить содержание произведений Шекспира в общий исторический и литературный контекст, полагаю, излишне. Могу лишь добавить, что выдумано здесь гораздо меньше, а из первоисточника взято гораздо больше, чем может показаться.

# Содержание

Предисловие	4
Торжествующая Лукреция	6
Грань первая: Клото	6
Грань вторая: Лахезис	20
Грань третья: Атропо	25
Кто это сделал, лорды?	30
Песни бедного Тома	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

# Наталья Резанова

## Розы тени

### Предисловие

*Roses of shadow...*

*Sonnet 67<sup>1</sup>*

Первую альтернативную историю по Шекспиру написал, разумеется, Пушкин – на то и наше все. А поэма Шекспира «Лукреция», которую Пушкин избрал поприщем для своих упражнений, была написана на сюжет, изложенный Титом Ливием, прозванным «отцом альтернативной истории». Продолжить же пунктиром осевую линию шекспировских пьес будущим авторам советовал философ и фантаст Сигизмунд Кржижановский. В общем, все связано со всем.

Объяснить, что кроется за этой попыткой включить содержание произведений Шекспира в общий исторический и литературный контекст, полагаю, излишне. Могу лишь добавить, что выдуманно здесь гораздо меньше, а из первоисточника взято гораздо больше, чем может показаться.

Моя неизменная благодарность: Елене Михайлик, кото-

---

<sup>1</sup> Розы тени... Сонет 67 (англ.)

рая все знает о елизаветинцах и рассказала мне историю Энтони Спарка, Наталии Ипатовой – за внимание к историям, Александру Певзину – за беседы о кондотьерах и всем, кто поддерживал этот замысел.

# Торжествующая Лукреция

*Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что, если б Лукреция пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? Быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публиколане взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.*

*А. С. Пушкин*

## Грань первая: Клото

Никто не ожидал, что уличные бои в Риме продлятся долго. В прошлый раз, когда свергли старого Сервия Туллия, все кончилось быстро. Зять царя, Луций Тарквиний, сбросил старика со ступеней сената, а дочь царя, Туллия, завершила работу мужа, переехав родителя колесницей. Народ немного пошумел и разошелся.

В этот раз, когда тело Секста Тарквиния проволокли за колесницей и сбросили с Тарпейской скалы, кое-кто ожидал, что будет так же. Тем более, что Секст был даже не царь, а сын царя. Но нынче в Риме жило гораздо больше народу, чем в прошлое царствование. Неизвестно, желал ли Луций Тарк-

виний войти в историю под прозвищем Тарквиний Строитель, но строительство в городе он затеял грандиозное: от храма Юпитера Капитолийского до Большой Клоаки. А это значило, что в город прибыло множество каменщиков, плотников, землекопов и прочего люда из разных племен Италии. Они были вечно недовольны, не ладили между собой и с коренными римлянами, и им нужен был только предлог, чтобы схлестнуться. И это только плебеи! Сенат, у которого нынешний царь отнял большую часть привилегий, точил зубы на военный совет, который эти привилегии получил. И у тех, и у других были свои приверженцы... а то, что завезли для великих строек, годилось и на то, чтобы сражаться, либо гореть и освещать сражения, когда наступит ночь.

Пожары были видны и в храме Доброй Богини. Там в эту ночь не спали. Не было ни обычных служб, ни радений. Молитвы – да, были. Но большей частью не пред алтарем, но в тишине.

Женщины, сидевшие в гостевых покоях, если и молились, то про себя. Отблески пожаров перебежали по мраморным плитам пола. Стояло молчание. Младшая из женщин, впрочем, имела чем себя отвлечь. Она сматывала в клубок шерсть – занятие более приличествующее рабыне, чем благородной патрицианке, коей она несомненно была. Старшая, опустив на лицо покрывало, сложила морщинистые руки на коленях. Вбежавшая девица в платье храмовой прислужницы остано-

вилась на пороге, тяжело дыша.

– Что тебе? – спросила верховная жрица – а старуха была именно ею. Покрывало отодвинулось, открывая костистый нос и черный блестящий глаз.

– Domina, пришел принц Луций Юний...

Жрица Доброй Богини, оживившаяся, казалось, при слове «принц», скривилась:

– Что нужно от нас этому Тупице?

Она вовсе не бранилась. Это прозвище настолько прилипло к племяннику царя, что стало восприниматься как часть имени. Этим он отличался от прочих родичей. Сыновья Тарквиния считались буйными, склонными к диким выходкам, но в уме, пусть извращенном, им никто не отказывал. А племянник Луций Юний, сын царевой сестры, слыл слабоумным.

Тупицей.

– Он сказал, что хочет видеть молодую госпожу...

– Зачем?

– Говорит, скажет только ей...

– Что он замыслил?

Молодая женщина поднялась со скамьи, небрежным движением отбросив клубок. В полумраке ее лицо казалось очень бледным, однако не было на нем ни тени страха. Оно казалось лицом статуи, но не заморских греческих мастеров, а одной из тех, что ставят в своих храмах этруски.

– Узнать это просто, – сказала она. – Стоит только спро-

силь.

– Не надо, Лукреция. Возможно, он пришел ради мести. Вспомни – он двоюродный брат Секста.

– И моего мужа.

Это была правда. Луций Тарквиний Коллатин также был в родстве с правящей семьей. Кроме того, он дружил с Ту-пицей.

– Ты думаешь, его прислал Коллатин?

– Это возможно. Я выйду к нему и спрошу.

– Будь осторожна, дочь моя. Царская семья не почитает исконно римских святынь. А с Тупицы станется свершить злодеяние и в святилище.

– Не беспокойся, госпожа – Она усмехнулась, и сходство с этрусскими статуями стало еще сильнее. – Я сумела отразить нападение в собственной спальне, отражу его и в храме.

Жрица хлопнула в ладоши, подзывая подчиненных. Хотя в случае серьезной опасности вряд ли они сумели бы помочь. Вона Деа была женской богиней, и в ее святилище мужчины не допускались, а следовательно, охранников в храме не было.

Мужчины, правда, могли входить, но не дальше наружного крытого двора. Где и ожидал Лукрецию Луций Юний по прозвищу Брут.

Уже не юноша – лет тридцати по крайней мере – он отличался крепким сложением, и крупными правильными чертами лица. Брут был вооружен мечом и кинжалом, что неуди-

вительно. Даже если не брать в расчет нынешних внутренних беспорядков, Рим вел войны с латинянами, этрусками, а также с городом Ардеей. Собственной, при осаде Ардеи и должна была находиться большая часть боеспособной римской знати.

Они приезжали оттуда совсем недавно. И Коллатин, и Секст со своими братцами, и...

Нет, Брута с ними не было.

Она посмотрела ему в глаза и встретила не бешеный взгляд безумца, не тусклый – слабоумного. Глаза человека, которого весь Рим величал Тупицей, были ясны, холодны и враждебны.

– Здравствуй, принц Луций, – сказала Лукреция. – Похоже, ты решил сбросить личину.

Он ответил не сразу – как будто взвешивал заранее каждое слово.

– Ты не удивлена?

– Нет. Я наблюдала за тобой. И убедилась, что ты не сумасшедший. И не слабоумный.

– С чего это ты вздумала за мной наблюдать?

– Тарквинии болтали, что вытворил ты в Дельфах. Как они хохотали! Ты, мол, только выйдя из храма, сразу споткнулся и полетел носом в грязь. Приложился так, что мало не показалось.

– Так и было. И что с того?

– Сивилла предсказала вам – тот из паломников будет

властвовать над Римом, кто первым поцелует свою мать. А разве не земля – наша общая мать?

– Ты тоже решила не притворяться? Не изображать скромницу, от которой слова не дождешься?

– Но это так удобно. Никто тебя не замечает. Можно услышать столько полезного. Конечно, тебе было труднее. Полумный принц при дворе жестокого дяди! Это ты славно придумал.

– Он убил моего отца...

– ...и у тебя не было иной возможности выжить. Конечно-конечно. Я ведь не в осуждение. Но ты же не просто так решил мне открыться.

Он снова промедлил с ответом. Может быть, сказывалась многолетняя привычка изображать Тупицу. Эта же привычка приучила его никогда и никому не показывать подлинных чувств. И потому он казался спокойным. На самом деле он был в ярости. Эта женщина, стоявшая перед ним с невозмутимым лицом, своей дурацкой добродетелью разрушила многолетний, тщательно обдуманый план.

Хотя на добродетель и был расчет.

Царь Луций Тарквиний славился жестокостью и коварством. Но его старший сын Секст превзошел отца. Только он мог осуществить план по захвату Габий. Царю долго не удавалось захватить этот город, грозивший сравниться могуществом с Римом. Пока туда не явился Секст – в качестве перебежчика. Он сумел убедить жителей Габий, что спаса-

ется от тирании отца, не щадящего в кровожадности и родную кровь. Искусный воин, щедрый и красноречивый, Секст Тарквиний постепенно занял в Габиях заметное положение, добился высылки самых влиятельных граждан, остальных стравил между собой, так что они сами стали резать друг друга, а когда город полностью ослабел, сдал его отцу без боя.

Если бы Секст стал царем, он бы выкосил всех, в ком заподозрил себе угрозу. Следовательно, от него необходимо было избавиться до того, как он унаследует власть. Лишившись главной опоры, царский дом рухнул бы. Нужно лишь знать слабости Секста. И Бруту было о них известно. Даже и Тупица мог догадаться – слабостью Секста были женщины. Проведя в компании двоюродных братьев много лет, Брут также знал, от каких именно женщин Секст Тарквиний впадает в раж.

– Это ведь ты придумал? – продолжила она. И уточнила: – Объехать дома царской родни и сравнить, чья жена лучше.

– С чего ты взяла?

– Ну, не Коллатин же... Они все ввалились в дом вместе с ним – и Секст, и его братья, и прочая родня. Все, кроме тебя. Когда я это заметила, я сразу почуяла недоброе...

Еще бы, подумал он. Наблюдая за женщинами царского дома, он знал – единственной, кого эта разгоряченная публика застанет не за пирами и развлечениями, будет Лукреция. Она будет прясть или ткать в окружении служанок. Та-

кая вот скромность и распялет Секста. Он не станет терять времени, когда муж вернется в военный лагерь...

– ...и, когда Коллатин уехал, я приказала своим рабам зайти и ждать моего сигнала, если Секст проберется в дом. Не понимаю, чем ты недоволен. Если ты хотел избавиться от Секста, ты добился своего. Он мертв.

Тут Брут не выдержал.

– Дура! Безмозглая гусыня! Секст не должен был умереть!

– Тогда кто же? Я? – она впервые выказала нечто похожее на удивление.

– Все о себе да о себе... о благе Рима ты не способна думать! Римляне ненавидят Тарквиниев, не хватало лишь искры, чтоб зажечь пламя. Если бы наследник царя изнасило-вал самую добродетельную из римских матрон, народ поднялся бы и изгнал семью тирана. У нас все было готово, а ты...

– Вот как? Я думала, ты расчищаешь себе дорогу к престолу, и полагала, что добьешься немногого. У старого Луция, кроме Секста, еще три сына, да внуки... Но ты мыслишь шире. Тебе недостаточно убрать Секста, ты нашел способ избавиться от всех прямых наследников... а я так тебя подвела. Пришел исправить ошибку и убить меня?

Он махнул рукой.

– Я думал об этом, когда шел сюда. Но, пожалуй, слишком поздно. При данных обстоятельствах твоя смерть не даст единства. Римляне сражаются между собой, вместо то-

го, чтобы дружно сплотиться. Нужно придумать, как тебя использовать по-иному...

– Кстати, ты сказал «у нас». Кто еще с тобой в сговоре? Коллатин?

– Нет. Валерий Публикола.

– И он тоже? Послали боги родственника. Ему-то какая корысть? Я бы еще поняла Коллатина. Если царскую семью изгонят, у него будут права на престол. Большие, чем у тебя.

– С чего бы? Мое родство с династией ближе.

– Но ты – родня по женской линии, а Коллатин – по мужской.

– Вот именно. Он Тарквиний. Если их изгонят, народ не захочет на троне никого, кто носит это имя.

– Тогда зачем ты все это затеял?

– Я и не ожидал, что ты поймешь. Только полная, безоговорочная смена власти спасет Рим, который губят Тарквинии! Старый Луций развязал войны с вольсками, сабинянами и латинами, а между тем этрусски готовы взять нас голыми руками. Царь доверяет им, он видите ли, родич их вождю Порсенне. Город наводнили этрусские шпионы, даже главный мастер в храме Юпитера Капитолийского из них! Когда этрусски двинутся на нас, что Рим им противопоставит? Армию наемников? Ведь Тарквиний запретил ставить под орлы плебеев, они ведь нужны на его великих стройках. Нет, Риму необходима полная реформа власти. А ты все погубила.

– Быть может, еще не поздно все исправить, – медленно

произнесла Лукреция.

– Каким образом? Секст мертв.

– А его мать?

– Что – мать? Она носится по городу как дурная, и сзывает своих сторонников.

– И успешно?

– От такой негодяйки всего можно ожидать.

– Вот ты сказал, что меня считают самой добродетельной женщиной Рима. А кого считают самой порочной?

Брут склонил голову к плечу, впервые внимательно прислушавшись к ее словам. Хотя вопрос был, казалось, чисто риторический. Лукреция сама же на него и ответила.

– Ее, чудовище в женском облике, ее, не постыдившуюся переехать колесницей родного отца. Эта ехидна породила и воспитала не менее чудовищных сыновей. Если подумать, именно она виновата во всех бедах Рима. И разве не удобно иметь против злой и преступной женщины – добродетельную и доблестную? Побить черную фигуру белой? Что, если я выступлю на форуме и призову народ выступить против Туллии и Тарквиниев?

– Да, пожалуй, это может сработать... только ты не можешь быть там одна. Мы с Публиколой должны тебя сопровождать... я подскажу тебе, что говорить. Было бы лучше, если б ты сама нанесла смертельный удар Сексту, как-то негоже царскому сыну умирать от рабской руки...

– Ну, вообще-то я его и добила. Навершием от прялки –

оно же заточено.

– Нет, так не годится. Нужно что-то другое... меч? Тоже не подходит, откуда там мог взяться меч... Вот! – он вытащил из ножен трехгранный кинжал, протянул ей. – Скажешь, что он тебе угрожал, но ты сумела вырвать у него кинжал, и заколола насильника его собственным оружием.

– Но у меня есть условие.

– Какое еще условие?

– Вы с Валерием Публиколой решили взять власть, не так ли? Коллатин тоже должен получить вою долю.

– Он станет сенатором, обещаю.

– Этого мало. Как вы себя назовете – квесторы? Диктаторы? Суффеты?

– Консулы. Все же это звание исконно римское и освящено традицией.

– Коллатин должен стать консулом, не ниже.

– Но это глупо! Консулов должно быть двое – это наиболее разумная форма правления. Третий – лишний.

– Отчего же? Пусть главный в триумвирате – полагаю, это будешь ты – как-то выделяется. Называется, например, Первым консулом...

– Что ж, это возможно. Договорились.

– Стойте! – Из темноты между колоннами выступила старуха с властным лицом. – Я слышала ваш разговор. Храм Доброй Богини готов поддержать вас...

– ...но с условием? – Брут усмехнулся.

– Добрая Богиня должна получить не меньшую долю в Риме, чем Юпитер Капитолийский.

– Мы даром теряем время, святая мать. Власть еще не в наших руках. И к тому же – какую поддержку вы можете обеспечить? *Vona Dea* не принадлежит к числу олимпийцев, а прихожанки – только женщины.

– Не стоит отвергать ее помощь, – сказала Лукреция. – Да, там только женщины, но у них есть мужья, братья, сыновья... если умело подсказать им, что делать...

– И, вдобавок, *Vona Dea* – исконно римское божество... Это будет хороший повод для того, чтоб избавиться от чужеземных шпионов в жреческой коллегии. Но радения поставим под контроль консулата. Хорошо, святая мать, я согласен. Идем, Лукреция.

– Ступай вперед, я догоню. Надобно позвать моих слуганок. Нехорошо будет, если добродетельная матрона появится на форуме с чужим мужчиной без подобающей свиты.

– Это верно. Но поторопись!

– Вот видишь, матушка, – сказал Лукреция, когда он вышел, разглядывая три грани кинжала, – с любым можно договориться, если проявить должное терпение. Даже с Тупицей. – И в задумчивости добавила. – Даже с этрусками.

*И только пламя поглощает пламя,  
Железо исцеляет нас от ран.*

*Очистимся делами, не словами,  
От тягот, что навлек на нас тиран.  
Пусть нас подхватит гнева ураган!  
Вот так Лукреция и поступила  
Врага, а не себя она убила.*

*О римлянин, ты сердцу не давай  
Потоком жалоб горестных умыться.  
Склонись пред алтарем, к богам взывай,  
Чтоб грозным гневом вспыхнули их лица,  
Чтоб мести помогли они свершиться!  
Недрогнувшей рукой наш славный Рим  
От мерзкой грязи мы освободим.*

*Умолкнув, он ударил в грудь рукой,  
Целуя нож геройского боренья.  
Всех, кто там был, увлек он за собой  
Призывом доблестным в одно мгновенье.  
И вся толпа упала на колени,  
И снова клятва прозвучала тут,  
Та самая, что дал впервые Брут.*

*Когда ж и остальные клятву дали,  
Лукреция с помоста призвала,  
Чтоб царский род квириты покарали,  
И вмиг толпа Тарквиниев смела.  
А доблестную женищину ждала  
В грядущем встреча славная с Порсенной,  
Чтобы помочь ему владеть Вселенной!*

*Хельм Сакспер,  
«Торжествующая Лукреция», отпечатано в Лондинуме  
Альбионском, в типографии при приходе святых Менефры и  
Нуртии, 1594 г. от воплощения Господа нашего Езуса.*

## Грань вторая: Лахезис

– Она отказывается это сделать, – сказал Публий Валерий Публикола, выходя из женский покоев. – Говорит, что не знает за собой никакой вины.

Тарквиний Коллатин, представительный мужчина, с характерным для всех Тарквинием правильным лицом с резкими и несколько тяжелыми чертами, пошевелил густыми бровями.

– Ты обязан был убедить ее. Ты же родственник.

– Ну, уж если отец ничего не смог сделать...

Публикола положил на стол возле домашнего жертвенника трехгранный кинжал. Его вручили Лукреции, узнав, что нынешней ночью она подверглась поруганию, муж – Коллатин, двоюродный брат – Публикола, и отец – Спурий Лукреций Триципитин. В случае, если б у Лукреции дрогнула рука, и она не смогла бы правильным образом лишиться себя жизни, дело обязан был довершить отец. Таков римский обычай. Но на старика Триципитина надежда оказалась плоха. Он лишь проливал слезы. А Лукреция, вместо того, чтоб убить себя, требовала мести насильнику.

– Вообще-то ты сам виноват, – сказал Публикола. – Нечего было вступать в этот дурацкий спор о том, чья жена красивей, притаскивать Секста в Коллацию и показывать ему жену. Ты же знаешь, какой он кобель.

– Я виноват? Секст, конечно, кобель, но... сучка не захочет, кобель не вскочит. Могла бы при чужом мужчине вести себя так, чтоб он не разохотился. Или выставить у дома охрану.

– Ну и что теперь делать? Даже если мы перебьем всех рабов в доме, чтоб не разболтали, Секст все равно станет хвалиться своим подвигом. Позор ляжет не только на тебя, но и на нас.

Коллатин задумался.

– Конечно, огласки надо избежать любой ценой, однако... Знаешь, это даже хорошо, что она не захотела заколоться. Это бы косвенным образом подтвердило слова Секста. А так... мало ли чем бахвалятся мужчины во хмелю.

– Но ведь она требует мести.

Щека Коллатина гневно дернулась.

– Мечь! Глупая женщина. Первейшая римская добродетель – это верность. Для женщины – верность мужу, для мужчины – верность царю. Она не сумела сохранить верность мужу, и думает, что и я нарушу верность! Неужели римлянин поступится благом Рима из-за воплей слабой женщины? Мы все должны следовать примеру Горация.

– Это не совсем подходящий пример. Сестра Горация как раз сохраняла верность жениху. За что брат ее и заколол.

– Потому что благо Рима было превыше! А сейчас ради блага Рима первейшее, что нам необходимо – захватить Ардею. Гарантами этого выступают Луций Тарквиний и его сы-

новья. Ссора внутри царской семьи привела бы нас к гражданской войне и оставила бы беззащитными перед лицом противника. Я не могу этого допустить. Нужно замять скандал. Любой ценой, – повторил он.

– Но Лукреция? Как ты собираешься заставить ее молчать?

Коллатин хлопнул в ладоши. Вошедшая рабыня, повинувшись приказу, невысказанному, но явному, принесла вина. Не местного, с виноградников Коллатии, а привозного, хиосского. Разлила вино в кубки и боязливо удалилась.

Публикола потянулся к кубку, но Коллатин жестом остановил его. Он снял с шеи мешочек из выделанной кожи, висевший на шнурке. И высыпал содержимое мешочка в вино.

– Прошу тебя, отнеси это Лукреции, и скажи, что ей необходимо выпить доброго вина, чтобы успокоиться. Я не хочу доверять этого рабам. Из твоих рук она примет кубок.

– Но... что ты туда высыпал?

– Средство, которым однажды в добрую минуту поделилась со мной тетушка Туллия. Я никогда не использовал его – все-таки это не по-мужски, да и не по-римски, мы предпочитаем меч или кинжал. Однако в данном случае аконит будет уместнее.

– Ты уверен?

– Конечно. Она уснет и не проснется. Никакого скандала, никакого позора для семьи. И мир в царстве будет сохранен.

Последний довод оказался решающим. Публикола взял

кубок и вышел. Коллатин смотрел ему вслед. Он не сказал свойственнику, что высыпал в вино не весь яд, что был в мешочке. Валерий – верный человек, но слишком уж простодушен. Не стоит делиться с ним всеми планами.

Случившееся задело Коллатина сильнее, чем он хотел показать. И он знал, что безусловно отомстит за бесчестие.

Но не сейчас.

И не так, как поступили бы многие иные на его месте.

Все, что он говорил Публиколе, было правдой – или тем, что Коллатин полагал правдой. Царская власть должна быть незыблема, род Тарквиниев должен быть един. А вот кто именно из Тарквиниев будет сидеть на троне – это отдельный разговор.

В необходимости единства рода он сумел убедить тетку Туллию. И старая негодяйка-отцеубийца ему не только поверила и вручила яд, но и объяснила, в каких количествах его надо подсыпать в питье. Мнилось ей – таким образом дорогой племянник Коллатин защитит ее сыновей от врагов.

Что ж, можно сказать и так. Ибо кто худшие враги сыновьям Тарквиния Гордого, чем они сами?

И Рим по-прежнему останется под властью династии Тарквиниев.

Публикола вернулся. Он был мрачен.

– Лукреция выпила вино и уснула.

– Вот видишь, все уладилось наилучшим образом. Трици-

питин слишком стар, он ничего не заподозрит. Хорошо, что я не пригласил нынче Юния Брута. Я встретил его по дороге из лагеря, и он настойчиво навязывался ко мне в гости. Брут – весьма достойный человек... но тупица есть Тупица.

– Все же нехорошо как-то получилось, – с сомнением в голосе произнес Публикола. – По отношению к Лукреции.

– Что ж, мы воздадим ей посмертные почести. Поставим ей роскошную гробницу... даже памятник. И напишем «Univira, domestida, lanam fecit».<sup>2</sup> Разве может быть лучшая эпитафия женщине? Добродетель восторжествует.

*После расчистки с трудом прочитывается первоначальная надпись: Male perdat, male exseat, male disperdat. Что можно перевести как «злой (ему?) конец, злая (ему?) смерть, злая (ему?) гибель». Окончание надписи испорчено, и кому она посвящена, не представляется возможным установить. Высказывалась предположение, что это фрагмент заклęcia, обращенного к Прозерпине, но это противоречит тому, что мы знаем о римлянах периода Первого царства, избегавших в эпиграфике упоминания о подземных богах. Кому принадлежала гробница, также не установлено.*

*Ученые записки Капуанского университета, «Памятники периода первых двенадцати царей».*

---

<sup>2</sup> Одномужня, домоседка, пряла шерсть (лат)

## Грань третья: Атропо

– ...а если будешь сопротивляться, я тебя прирежу. – Он вытащил из ножен трехгранный кинжал. – А потом подложу тебе в постель мертвого раба. И скажу, что застал тебя за прелюбодеянием, и отстоял честь родича. Так что ты и мертвая будешь опозорена, – с удовольствием договорил Секст Тарквиний.

Лукреция поморщилась.

– Зачем так все усложнять? Ведь сразу же все зададутся вопросом: разве честь родича отстаивают ночью, в чужой спальне, когда муж на войне? Нет, ты и так можешь получить, что хочешь...

Секст надвинулся на нее.

– ...но с одним условием.

– Ты забыла, что условия здесь ставлю я.

– Это в Риме. А здесь Коллация. И я в любой миг могу кликнуть всю фамилию, которая забьет тебя насмерть.

– Ну, предположим. Чего ты хочешь?

– Ты получишь меня, если убьешь моего мужа.

На лице Секста выразилась озадаченность. Потом он хлопнул себя по лбу и расхохотался.

– Я вспомнил эту побасенку! Какой-то восточный царь... забыл, как звали... показал жену своему фавориту. А она обиделась, позвала фаворита: раз ты меня видел, выбирай

мол, или убьешь моего мужа и женишься на мне, или я прикажу рабам тебя прикончить. Конечно, он выбрал первое. Понятно, с чего это тебе в голову пришло. Да мне-то зачем убивать Коллатина? Я и так буду царем, а он нет.

– Ты в этом уверен? – холодно осведомилась Лукреция.

– На что ты намекаешь?

– Ты до сих пор не понял, что тебя подставили? Это чья была идея – приехать сюда всей компанией, чтобы полюбоваться на меня – твоя или Коллатина?

– Коллатина... а может, Брута. Не помню. Но точно не моя.

– А что ты сделаешь потом, любой бы догадался. Ну, и какой предлог годится для восстания лучше, чем поругание добродетельной матроны?

Секст плюхнулся на постель.

– Боги Тартара! Похоже, ты права. Но каков мерзавец! – он не уточнил, кого имеет в виду – Коллатина или Брута.

– Вот именно, – спокойно сказал Лукреция. – Нас обоих наметили в жертву чужим амбициям. Ужели мы не отомстим?

– Это ты правильно придумала. Клянусь Орком, я никому не позволю себя использовать!

– Твой отец, похоже, считает иначе. Хотя, надо признать, его замысел по захвату Габий ты исполнил великолепно. Мы здесь все тобой восхищались.

– Это был мой замысел, а не отца!

– Тем более. А что сделал для Рима Коллатин? Ничего. Я буду счастлива сменить мужа никчемного на мужа отважного и предприимчивого.

– Вообще-то я женат.

– А я замужем. Ну и что?

Секст хмыкнул.

– Конечно, ты красивей, чем моя курица, да и умнее. Решено – отправлю Коллатина к воронам и женюсь на тебе. И как ему в голову пришло учинить такую подлость царскому роду!

– Вестей из-за моря наслышался. Афиняне, говорят, изгнали своего Гиппия.

– Не хватало еще, чтоб мы начинали подражать всяким там грекам. Но и отец хорош. Тоже мне, «властитель двенадцати городов»! Проглядеть заговор у себя под носом! – Он задумался. – А это значит... это значит, что он стал стар и слаб... и пора попросить его освободить трон.

Лукреция, раскинувшись в постели, внимательно прислушивалась к его рассуждениям.

– Неужто ты считаешь, что человек, который сверг и убил своего предшественника, прислушается к такой просьбе?

– Что ж, он захватил власть силой – я тоже сумею это сделать. Среди своих великих строек отец довольно удачно обустроил Тарпейскую скалу, чтоб нее было удобнее сбрасывать преступников. А нет – так годится и колесница, которой матушка переехала деда.

– Народу это может не понравиться.

– Вот увидишь, плебс назовет это справедливым возмездием. К тому же, если переехать колесницей одного царя – это преступление. А если так поступить со вторым – это уже обычай. – Секст усмехнулся. – Никогда бы не предположил, что буду в постели с женщиной разговаривать о политике.

Лукреция рассмеялась в ответ.

– Обещаю – это будет очень приятный разговор.

*Можно, разумеется, рассуждать о том, как сложилась бы судьба Римского царства, если бы Луций Тарквиний прожил несколько дольше. Не исключено, что он, связанный как родством, так и договором с этрусским вождем Целием Вибенной (латинские историки вероятно, ошибочно, именуют его Ларсом Порсенной), не преминул бы прибегнуть к помощи последнего, уступив ему часть царской власти. Наиболее смелым предположением является то, будто бы царю Сексту Тарквинию удалось бы самостоятельно отразить нашествие латинян, предводительствуемых Луцием Юнием Брутом. Однако обстоятельства сложились известным нам образом. Зажатое между двумя могущественными государствами – Карфагеном и Этрурией, Римское царство неминуемо должно было выбрать покровительство одного из них, либо исчезнуть с лица земли. Секст Тарквиний предпочел покровительство Карфагена, и, хотя современники осуждали его за это, последствия доказали*

*мудрость его решения. Римское царство перестало существовать, но римляне получили свободный доступ к торговле на Сардинии и Сицилии, а также, наряду с жителями Ардеи, Лавректа, Цицей и Таррацины, равные с карфагенянами права. Благодаря помощи Карфагена были подавлены выступления вольсков и сабинян. Все вышеперечисленное способствовало превращению Рима в одну из самых просвещенных и процветающих финикийских колоний.*

*Ишбаал Ливий, «История Карфагенской империи от основания города», II, 2-20, стереотипное издание.*

# Кто это сделал, лорды?

*Угрожай им и пытай ведьм как хочешь, и только тогда они расскаются.*

*Король Иаков Стюарт, «Демонология»*

*Хантли, март 1058 г.*

– Кто это сделал, лаэрдь? – спросил Маэль Колум мак Доннкад сильным от ярости голосом.

Лаэрдь и простые воины, заполнившие зал замка Хантли, подавленно молчали. В тишине был слышен слабый скрип. Тело короля Лулаха мак Гилла, более известного под прозвищем Простак, висало с балки и тяжело раскачивалось в петле.

Хантли вряд ли мог назваться настоящим замком даже по альбанским меркам. Его начали укреплять только в прошлое правление, когда отчим Лулаха отобрал его у клана Мар. И когда бежавший из Перта Лулах укрылся здесь, Маэль Колум предположил, что сумеет захватить его без труда. И угадал. За полгода двоецарствования он наконец сумел добиться решающего перевеса в силах. Того, которого ему не хватило осенью. Тогда он одержал победу на поле брани, но не смог помешать тому, чтоб на Простака не возложили корону отчима. Теперь же те из сторонников Лулаха, кого Маэль Колум не сумел переманить на свою сторону, были переби-

ты. Но новый король не предполагал, что найдет мертвым и своего соперника.

Лулах не участвовал в битве. Впрочем, как и Маэль Колум. Он счел ниже своего достоинства сражаться со слабым противником. Но, увидев повешенного Лулаха, он впал в ярость. Маэль Колум был еще очень молод, что поделать. Те воины и вожди, что принадлежали к старшему поколению, припоминали, что таким же вспышкам бешеного гнева был подвержен и отец его Доннкад, погибший в юности. Но Маэль, видно, был слеплен из материала покрепче. Он вступил в борьбу с тем же противником, что отец, но не погиб, а победил.

Невысокий, коренастый, Маэль Колум не отличался ни статью, ни геройской осанкой. Со встрепанными серо-русыми волосами, горбатым острым носом и близко посаженными глазами, он напоминал птенца хищной птицы. Когда Маэля сравнивали с предшественником – не Лулахом, конечно, а его отчимом – высоким, могучим, с волосами цвета красного золота, сравнение было не в пользу сына Доннкада. Никто из воинов не признал бы этого вслух, но даже проклятый сассенах, сопровождавший Маэля Колума в этом походе, и теперь стоявший рядом с ним, с виду был больше похож на короля. Но никто бы не усомнился в том, что Маэль Колум – отважный и умный воин, и легко, словно рубашку, носит кольчугу и латный доспех, каких здесь нет больше ни у кого, кроме сассенаха.

Наконец кто-то осмелился прервать молчание.

– Он сам наложил на себя руки, Ард Ри. В страхе и отчаянии.

Маэль Колум не обратил внимания, что его называли верховным королем. На этот титул, строго говоря, он не имел права до тех пор, пока его не коронуют на Камне Судьбы. Но разве смерть Лулаха не сделала его верховным правителем?

– Все знают, что Лулах даже ремешки на башмаках завязать не мог! – рывкнул он, не очень задумываясь, с чего бы королю самолично завязывать ремешки на башмаках. – Не то, что веревку на балку накинуть! Это ты! – зарычал он, обернувшись к одному из пожилых лаэрдов. – Ты, Мак Дафф! Все знают, что у тебя с Мак Бетадом была кровная вражда, и ты поклялся извести весь его род!

Взгляд Маэля был страшен, но правитель Файфа не испугался. В свои годы он повидал вещи пострашнее беснующихся юнцов.

– Поклялся, да. Но Простак был приемным сыном Мак Бетада, не родным. Родному я бы сам накинул петлю на шею. А так – я просто не мешал ему умереть.

Гарольд наблюдал за склокой скоттов с некоторой скукой. Гэльского языка он не знал, да при переговорах с Маэлем Колумом он и не был нужен. Сын Доннкада изъяснялся по-английски не хуже природного сакса. Не требовалось знания языка и теперь – обо всем можно догадаться и так. Прежнее

молчание сменилось всеобщим криком – король искал виновного, все отпирались. Этих скоттов ячменной лепешкой не корми – дай поорать. А перебранки так легко переходят в драки, драки в резню, резня в войну. А как они выглядят, Господи Иисусе! При том, что здесь большей частью представители равнинных кланов, которые хотя бы приучены носить штаны и время от времени умываться.

Мак Бетад, сын Финдлейха, пытался навести порядок в этой стране, и на какое-то время это ему даже удалось. Он возводил укрепления по английскому образцу, завел при дворе какое-то подобие этикета, строил церкви и монастыри. Решительно, Гарольд предпочел бы иметь дело с ним. К сожалению, в своем благочестивом рвении, особенно после паломничества в Рим, Мак Бетад готов был оказать всемерную поддержку королю Эдуарду. Отец Гарольда, граф Уэссекский, счел это опасным, и оказал помощь Маэлю Колуму. А Маэль... он, конечно, сумел воспользоваться положением, которое сложилось в прошлом году, но неизвестно, сумет ли он удержать власть. И тогда Альба снова рухнет в пучину междоусобиц, из которой вывел ее Мак Бетад. Здесь так было всегда. Дикари, сущие дикари.

А ведь норманны точно так же думают о нас, – как-то отстраненно сказал он себе. И тут же прогнал эту мысль.

Маэль Колум уже убедился, что Мак Дафф вряд ли причастен к убийству. Правитель Файфа был одним из тех, кто в прошлом августе «завалил зверя» на поле в Лумфанане,

после чего Мак Бетад отступил в направлении Перта – умирать. Но он вряд ли бы накинул веревку на горло несчастного дурачка. Скорее зарубил бы.

Но и в то, что Лулах убил себя, Маэль Колум не верил.

Но кто это сделал? Кто?

– Похороните его, – распорядился молодой король.

– Здесь? – уточнил Домнал, правитель Росса.

– Нет. Он все же был королем. Пусть тело отправят на Иону. – На этом острове издревле хоронили верховных королей Альбы. – Но пусть могила будет не в аббатстве.

Неужто Маэль Колум так быстро смирился с тем, что не нашел виновного? – задал себе вопрос Гарольд. Трудно поверить. Он не может добиться ответа, грозя пытками и казнями – вряд ли подобных людей этим напугаешь. Но Маэль Колум не по годам хитер. Он что-то задумал.

Хотя тело Лулаха сняли с балки, а из зала вынесли убитых, король не пожелал ужинать в замке, а вернулся в лагерь. Там была разбита его походная палатка – еще одно введенное Мак Бетадом новшество. Скотты полагали это признаком южной изнеженности, однако королю надлежало отличаться от вождей кланов, и не подобало ночевать под открытым небом.

Гарольд сопровождал Маэля. Не без некоторого удовольствия отметил, что дождь перестал. Самого Гарольда трудно было обвинить в пресловутой изнеженности, но в этой стране погода его донимала. Что ни день, то ненастье. А скотты

как будто этим даже гордятся.

– Стоило ли поднимать такой шум? – спросил он Маэля, когда они отужинали жареной свининой и выпили меда. – Все равно от него пришлось бы избавиться.

– Ты не понимаешь. Прежние сторонники Мак Бетада перешли ко мне, когда я поклялся, что не причиню вреда его наследникам. Простака нельзя было убивать. По крайней мере, сейчас. Я позволил жене Лулаха увезти детей, а его самого собирался запереть в монастырь, подобно тому, как Мак Бетад запер леди Груох.

– Разве у Простака есть дети?

– Двое. Мальчик и девочка.

– Но он же был слабоумным.

– Ну, для этого ума не нужно... Их увезли в наследственные владения, в Морэй. Это и справедливо. Когда Мак Бетад убил отца, мы с Дональдом были так же малы, и Мак Бетад позволил матери увезти нас.

И очень глупо, подумал Гарольд. Не прояви Мак Бетад этого бессмысленного великодушия, был бы сейчас жив.

Может быть. Потому что королевство Альба после нашествия нортумбрийцев было ослаблено, и нашлись те, кто не преминули этим воспользоваться. Оркнейские ярлы, или тезка нынешнего короля, Маэль Колум из Стрэтклайда. Так что не исключено, что королем стал бы кто-то из них. Забавно, однако, как Маэль стремится подражать Мак Бетаду, убийце своего отца...

– Если союзники предадут меня, – угрюмо произнес Маэль, – все кланы начнут рвать Альбу на куски. И Сигурд Оркнейский попользуется этим. И Маэль Колум Стрэтклайдский. Да и братец Дональд Бан, который тихо сидит сейчас у дяди Атоллы, не преминет присоединиться. Может, жениться на дочери Лулаха? Это даст мне поддержку горцев. Но она, говорят, совсем мала, а я не могу ждать...

Гарольд не успел ничего присоветовать королю. Вошел один из приближенных воинов, прежде чем заговорить, оглянулся на Гарольда. Маэль Колум бросил несколько слов, о значении которых Гарольда догадался – «говори, мол, он все равно не понимает», и после того, как воин произнес что-то на гэлике, коротко рассмеялся и отдал приказ.

– Вот он себя и выдал, – сказал он, когда воин выбежал. – Я велел тем, кто был при штурме рядом со мной, а значит, в убийстве не замешан, следить, не подойдет ли кто из знати к телу Лулаха. Известно же, что убийца всегда возвращается.

– Суеверие.

– А то, что он руку мертвецу хотел отрезать, тоже суеверие? Прости, граф, но я попрошу тебя покинуть палатку. Я хочу допросить виновного без свидетелей.

Гарольд не стал возражать. У него не было желания узнавать подробности здешних дикарских обычаев.

В середине марта темнело не так рано, как зимой, но все же наступил вечер, и в лагере жгли костры. Потому Гарольду и удалось разглядеть в свете пламени человека, которого под

охраной провели в палатку короля. В одном Маэль Колум не ошибся. Это был один из вождей кланов, из тех, кто первым ворвался в замок. Имени его Гарольд не помнил. Но они убили Лулаха? Все вожди – мормаэры по-здешнему, состояли между собой в сложных и разветвленных родственных связях. Может, поэтому остальные его и не выдали? С другой стороны, семьи Маэля Колума и Мак Бетада тоже были в родстве, что нисколько не мешало кровавой вражде, растянувшейся на десятилетия.

Маэль Колум взялся определить виновного. Посмотрим, удастся ли ему это.

– Кулен, мормаэр Каитнесса! Я доверял тебе как брату, ибо ты и впрямь родич мне! – говоря так, Маэль Колум был не вполне искренен, ибо своему родному брату Дональду Бану он не слишком доверял. Но в голосе его звучала неподдельная горечь. Именно Каитнесс прикрывал Альбу от оркнейских ярлов, и лишиться поддержки правящего там клана было бы крайне опасно. Тем более, что жители этой области были по крови пиктами, а не гэлами, и всегда держались наособицу. – Что заставило тебя предать родственника и короля?

Кулен смотрел на короля угрюмо, трудно было определить, есть ли страх в его темных глазах. Он был одних лет с Маэлем Колумом, но казался старше – из-за сумрачного лица, которое словно бы легла тень от темных волос.

– Ты не понял, Маэль Колум. Только верность тебе и твоему роду заставила меня сделать то, что сделал.

– Значит, это ты убил Простака?

Кулен промолчал.

– Разве это не предательство? Неужто клан Кошки переметнулся на сторону Сигурда Рагнвальдсона, забыв свою честь?

– Мне нет дела до оркнейских ярлов и их предводителя.

– Что же, Кошка напала на ослабевшего Пса?

Кланом Пса называли иногда правящий клан Морэя, мормаэром которого был раньше отец Простака Гилл Коэмгайн, а затем Мак Бетад.

– Я не тронул бы Лулаха мак Гилла без причины, а причину я уже назвал.

– Да, верность нашему роду. Как же так? Я не приказывал тебе убить Лулаха.

– Госпожа Брид велела мне сделать это. – с явной неохотой произнес Кулен.

– Что? – едва не вымолвив: «Ты лжешь!», Маэль Колум осекся. Лгать Каитнессу не было никакого резона. Мать Маэля приходилась Кулену теткой. А клан Кошки был, помимо прочего известен тем, что женщины в нем были особо почитаемы и обладали большой властью. – Моя мать приказала тебе убить Лулаха? – уточнил он.

Кулен кивнул.

Маэль Колум не помнил отца, он был слишком мал, когда

погиб Доннкад. Он вырос во владениях Атоллов, куда леди Брид бежала с детьми после прихода Мак Бетада к власти. И с детских лет Маэль слышал от матери – он обязан отомстить, он обязан вернуть корону Верховного короля, которую носили его прадед, а затем отец. И Маэль Колум готов был следовать предначертанной ему судьбе. Месть и власть – разве не лучшая участь для настоящего мужчины? Но по мере того, как мужчиной он становился, наставления и указания матери стали его угнетать. Он не виделся с матерью с прошлого года – тогда она сопровождала его в победоносном походе против Мак Бетада. Потом она уехала в Атолл. Но, оказывается, не пожелала оставить сына в покое. Проклятье! Он до сих пор думает, что сын ее – маленький мальчик, и пытается решать за него.

– Но почему ты повесил его? – спросил Маэль. – Разве не проще и быстрее было бы заколоть?

– Так велела леди Брид, – повторил Кулен. – Она сказала – повесить и отрубить руку.

– Зачем ей это было надо?

– Не знаю. Леди Брид мудра и искушена в тайных знаниях. Я в этом ничего не смыслю.

В Каитнесе не только почитали женщин. Там еще не умерла прежняя вера, на волхвования которой намекал Кулен. Маэль Колум также о них ничего не знал и знать не хотел. Достаточно того, что в детстве он, наслушавшись разговоров слуг о синелицей старухе, обитающей в горах, просы-

пался по ночам в ужасе. Этой старухе поклонялись ведьмы на пустошах и пещерах, там они в жертву ей готовили адское варево из неопишуемой мерзости. Став старше, Маэль Колум приказал себе забыть о подобных разговорах.

– Что ты собирался делать с рукой Лулаха?

– Отвезти ее леди Брид.

– В Атолл?

– Нет. Она сказала, что будет ждать возле Лохлевена.

Маэль Колум не сразу сообразил, что его матери понадобилось в Лохлевене. Там находился женский монастырь, и при других обстоятельствах он решил бы, что леди Брид отправилась туда молиться о победе для сына.

Потом он вспомнил. Именно в этом монастыре находилась леди Груох инген Бойте, мать Лулаха и вдова Мак Бетада. И сослал ее туда сам Мак Бетад, когда воротился из Рима. В последние годы о ней ничего не было слышно. И леди Брид, сколь бы она не подстрекала сына к мести, никогда не упоминала о жене своего врага. И Маэль Колум забыл о ней. А леди Брид, выходит, нет. Ей мало было убить Лулаха. Она возжелала утвердить свое торжество, отправив руку убитого его матери и насладиться зрелищем ее горя. Груох и без того, говорят, повредила рассудком, недаром же муж отослал ее после стольких лет брака. А от такого подарка она должна и вовсе обезуметь.

Сколь не был убежден Маэль Колум в праведности и пра-

вильности мести, жестокость этого замысла его покорила.

Мир был полон убийств. Король Финдлейх мак Руадри был убит своим сводным братом Маэлем Колумом – тот стал первым из королей, носивших это имя. Маэлю Колуму наследовал его брат Гилл Коэмгайн, мормаэр Морэя. Кто убил Гилла, по сию пору неизвестно. Одни говорили – племянник Мак Бетад, другие – Маэль Колум II, дед нынешнего. Ибо Мак Бетад забрал себе жену Гилла и его владения, а Маэль Колум – корону Ард Ри. Поистине, чем ближе человек, тем кровожадней. Но все же кровопролития кровопролитиям рознь. И войны были уделом мужчин и никого не удивляли. Но когда во вражду вмешивались женщины, повседневные поступки выглядели воистину страшными преступлениями.

– Что еще она тебе сказала? – спросил Маэль Колум.

– Что коронация должна свершиться в Бельтан. И что Лулах должен умереть до Бельтана.

Против первого утверждения не стал бы возражать никто, даже священники и монахи, если, конечно, они были родом кельты. Бельтан – один из главных праздников года, день обновления всех сил неба и земли, и лучшего дня для коронации не придумаешь. И в нынешние времена торжества не омрачают казнями. Разве что при необходимости.

Но в голосе Кулена прозвучала некая мрачная уверенность, заставившая Маэля пристально взглянуться в лицо родича. Как будто он знал нечто, дававшее ему преимущество

над королем. Может, к этому были причастны люди из клана Кошки?

– Ступай, кузен Каитнесс, – приказал Маэль Колум. Про себя же подумал: матушка в Лохлевене будет ждать гонца? Добро же, она его дождется.

*Остров Лохлевен, возле монастыря святой Бригиты.*

*Начало апреля 1058 г.*

Монастырь на острове был выстроен не так давно. Мак Бетад основал его вскоре после того, как его избрали верховным королем – восемнадцать лет назад, и семь лет ушло на то, чтобы возвести церковь, лечебницу и каменные стены, охранявшие насельниц обители от опасностей внешнего мира. Но в ночной мгле эти стены казались такими же древними, как земля, на которой они стояли. Молодая луна только что народилась, узкий серп почти не был виден за облаками. Женщина, покинувшая монастырь среди ночи, спускалась по тропинке к берегу озера медленной, нетвердой походкой. Но не сумрак был тому виной. Годы и усталость утяжелили ее шаг. Волосы, выбивавшиеся из под черного покрывала, полностью поседели. Глухое черное платье из грубой шерсти облекало изможденное тело. При том, что весеннее тепло не успело прогреть землю, а тропа была каменистой, она шла босиком.

На берегу, среди валунов, горел костер. Еще одна женщина что-то помешивала в котелке, стоявшем на огне. Она была

также немолода, боса, в простом платье. Тело ее было грузным, черные волосы пробил седина. Однако она значительно уступала годами первой, а покрывало, которое она носила, было окрашено красным.

Оставив котел, она поднялась на ноги, чтоб встретить гостью – нет, гостей. Ибо со стороны маленькой песчаной бухты к костру шла третья женщина. Самая младшая из всех – не более двадцати лет от роду, – она носила белое покрывало. Маленького роста, смуглая, рыжая и темноглазая, одета она была так же, как остальные, и так же боса.

Лодку, на которой младшая приплыла на остров, она спрятала в камышах.

Три женщины, три жрицы, три королевы на миг замерли, сложив руки в ритуальном приветствии. В тишине было слышно, как над озером кричит ночная птица.

Затем женщины, взявшись за руки, пошли вкруговую. Странные слова срывались с их уст, ибо призывали они Белую Госпожу, Коридвен, Бригиту, Арианрод, Мать всего сущего, Старуху, Мать и Деву, которую христиане в невежестве своим называли Гекатой.

Когда они девять раз обежали кругом костер, женщина в красном покрывале подняла с валуна ковш, зачерпнула из котла. Питье обжигало, но каждая из женщин сделала по глотку, вдыхая исходящие от зелья испарения.

– Зло есть добро, – сказала королева Груох, вдова Мак

Бетада.

– Добро есть зло, – ответила королева Брид, вдова Донникада.

– Круг заклят, и слово наше крепко, – отозвалась королева Фиона.

– Да будет так, – тихо произнесла Груох, старшая из всех.

– Богиня в нас и говорит нашими устами, – сказала Брид.

Фиона промолчала. Среди трех жриц она была Девой ковена, и хотя номинально ее власть считалась равной власти двух остальных, обычно младшая подчинялась решениям старших.

– Зачем ты вызвала нас, Брид? – спросила Груох.

– Богиня имеет наибольшую власть в полнолуние, сегодня же луна только родилась, – робко произнесла Фиона.

– Нет времени ждать до полнолуния. Я хочу, чтобы вы узнали: жертва принесена, двойник короля умер.

Груох пошатнулась и опустилась на землю. Прикрыв лицо руками, беззвучно зарыдала.

Фиона сдержанно встретила известие о том, что стала вдовой. Возможно, она уже догадывалась об этом, а может, слухи догнали ее в пути.

Брид села на камень рядом с Груох.

– Мне жаль. Но это должно было свершиться. Ты знала.

– Он был моим сыном... единственным сыном...

– Он был изначально обречен в жертву. Мы все подчиняемся воле Богини. Я помогала тебе, хотя твой муж убил мо-

его.

Груох отвела руки от лица. Слезы текли по ее морщинистым щекам.

– Ты не можешь понять! У тебя два сына и оба живы!

– Если бы Лулах был способен стать кем-нибудь, кроме жертвы, он бы стал. Доннкад тоже был слабым королем. Жертвой.

Она говорила правду. Короткое правление Доннкада стало сплошной цепью несчастий. Он не выиграл ни одной битвы. И, потерпев поражение от саксов, вместо того, чтобы возобновить силы, не нашел ничего лучшего, чем отправиться в набег в Морэй, где и погиб.

Помолчав, Брид продолжала:

– Я отдала Доннкада в руки Мак Бетада, ибо больше он ни на что не годился. А Лулах был еще слабее Доннкада.

– Он был слаб, – тихо сказала Фиона, – и мне жаль его.

Груох молчала. Она сумела подавить рыдания, и сидела, безмолвно раскачиваясь. Ей больше, чем кому-либо было известно, что Лулах был слаб рассудком. А также, почему он таким стал.

Гибель Гилла, отца Лулаха и первого мужа Груох, была страшной даже по меркам этой привыкшей к жестокости страны. Гилл был сожжен заживо в собственном пиршественном зале вместе с полусотней приближенных.

И, хотя Мак Бетад всегда (почти всегда) был добр к ней и Лулаху, а может быть, именно поэтому, у леди Груох так

и не хватило духа спросить, не он ли стоял за этим злодеянием. Ее замужество с Мак Бетадом было одобрено Большим кругом жриц в Форресе. Жрицы следили, чтоб их питомицы становились женами всех *rigdomna* – людей королевской крови, имеющих права на трон Альбы. А пустошь Форрес, где справлял обряды Большой круг, находилась в Морэе, ставшим приданым леди Груох, которая была в то время Матерью ковена. Она согласилась на этот брак, тем более, что сын Финдлейха пришелся ей по сердцу. И лишь потом она осознала, что зрелище страшной гибели отца не прошло для Лулаха бесследно. Ему было всего два года, когда погиб Гилл Коэмгайн, и выросши, он так и остался маленьким мальчиком, который покорно выполнял все, что ему велели взрослые. Не знала она в начале замужества и того, что Майри инген Катмал, мать Гилла, бывшая Старухой ковена, жрицей Синелицей смерти, не смирилась с гибелью сына. Она наложила на Мак Бетада проклятье – вовек не иметь потомства. А если бы Груох и знала об этом, что с того? У нее был сын, и вся материнская забота принадлежала ему. Лулаха Майри, приходившаяся ему бабкой, не проклинала. И не было в том нужды, как позже поняла Груох.

Брид как будто угадала ее мысли.

– Я помогала тебе и после женитьбы Лулаха. – Она перенесла взгляд на Фиону и поправилась: – Мы обе тебе помогали.

Нет, Лулах не вырос беспомощным идиотом, пускавшим

слюни и не умевшим говорить. С виду он был мужчина как мужчина, не хуже многих. Прост умом, конечно, та к не всем же мудрецами быть, а для умных советов Ард Ри и держат советников. Никто из королевского окружения не возроптал, когда Мак Бетад провозгласил Лулаха своим наследником. Против короля, слабого умом страна бы не возмутилась. Иное дело король, который слаб с мечом руках. Еще хуже король, слабый в чреслах, такой делает землю бесплодной, ибо король и его страна связаны священными узами. Мак Бетад был воином сызмальства, никто бы не усомнился в его силе. И, чтоб не называться бесплодным королем, он усыновил Лулаха. Доннкад, его предшественник, на поле боя героем себя не проявил, но сумел зачать сыновей прежде, чем у него стала расти борода. А несчастный Лулах вовсе не был воином. Оставалось надеяться, что он, в отличие от отца, сумеет произвести на свет потомство – ведь телом он был здоров и крепок.

Только это была лишь видимость. Это было известно матери Лулаха, равно как и его молодой жене. А неспособного правителя не потерпели бы ни королем, ни мормаэром. Но тут вмешалась Брид, Мать ковена.

Король и его земля связаны священными узами, но есть узы более древние и святые – те, что связывают Богиню и ее избранника, Рогатого Охотника. И ради того, чтоб рождала земля и плодились звери, птицы и рыбы, во время ритуала Священного брака, в праздник Ламмас, Урожайную ночь,

Дева ковена сочеталась с тем, кого избрали воплощением Рогатого. Жрицы Форреса много могли бы рассказать о том, как изменялся этот обычай. Богиня вечна, а Рогатый Охотник каждый год осенью умирает, а весной возрождается. Поэтому избранника в рогатой маске разрывали в клочья, и разбрасывали эти клочья по пустоши Форрес. Избранник шел на это добровольно, и бывал счастлив своей жертвой – ведь его кровь, напитавшая землю, позволяла взойти новому урожаю. И непременно хотя бы раз ложе Богини должен был разделить король. Иногда королей убивали, иногда нет. Но, вступая в священный брак, любой король тем самым выказывал, что готов принести себя в жертву.

Это было давно. Короли Альбы уже четвертое столетие, а то и больше, числились христианами, и не посещали обрядов у Камня Богини в Форресе. Тот, кому выпала честь воплотить Рогатого во время ритуала, избирался из последователей древней веры; такие еще оставались в горах и на побережье. Теперь их не убивали, а связывали клятвой молчания.

Груох и Брид уговорили Фиону стать Девой ковена, тем более, что девой она в браке с Лулахом и оставалась. Исполнив свой долг при Священном браке, и не раз, Фиона произвела на свет сперва мальчика, потом девочку, призванных укрепить династию. Лулах и впрямь считал их своими – ведь он очень смутно представлял, откуда берутся дети. А Мак Бетад ничего не подозревал. Брид позаботилась, чтоб никто из мужчин, участвовавших в обрядах, не проговорился. Ко-

нечно, их не разорвали в клочья, но у каждой жрицы имелся нож с изогнутым лезвием, острым, как бритва. О подробностях Груох так же не нашла в себе сил спросить Брид, как не спросила Мак Бетада о гибели Гилла.

И вот – все оказалось напрасно. Напрасны были все ухищрения, какими Груох пыталась обеспечить сыну защиты, наследование земель и короны. В двадцать восемь лет Лулах покинул мир, как мог бы покинуть его ребенком – не оставив следа.

– Он принесен в жертву по древнему обычаю, – певучим голосом произнесла Брид. – Так быть должно. Великая жертва, королевская жертва. Сначала двойника короля возносят между небом и землей, затем скармливают огню, дабы ветер развеял пепел...

– Они... сожгли моего сына? – прошептала Груох.

Больше всего на свете Лулах боялся огня. После того пожара, что поглотил Гилла и его воинов.

– Нет, он умер быстро, в петле. Но, пока не свершится огненное погребение, обряд не завершен, Ты знаешь обычай. Если нет возможности сжечь тело, сжигают руку или голову. Мой человек доставит сюда руку Лулаха. Для ритуала следует собраться вместе трем великим жрицам – Старухе, Матери и Деве. Так быть должно.

– Так рок судил, – завершила Фиона установленную формулу заклания.

– Нас не допускают нынче в Форрес. Так что с того? Эта

глупая церковь стоит на месте святилища Бригиты, которую христиане принимают за свою святую. Совершим обряд здесь, на острове, и развеем пепел над озером.

– Нет, – Груох приложила сухие пальцы к выцветшим губам. – Я этого не сделаю. Я больше не буду приносить жертвы Богине.

– Что ты говоришь?

– Всю жизнь я служила ей, и что получила взамен? Мой брат был убит Маэлем Старым. Гилл Коэмгайн сгорел в огне. Лулах был скорбен умом, а теперь мертв. Мак Бетад мог бы защитить его, но он тоже мертв.

– Опомнись! Это Мак Бетад заключил тебя в монастырь!

– И правильно сделал. Другой христианский король отправил бы жену на костер за то, что она отправляет обряды древней веры. А он объявил меня безумной и отослал сюда. Здесь я нахожу утешение, которого не давали мне сестры в Форресе. Если хочешь, можешь быть Старухой ковена. Я возвращаюсь в монастырь. Буду молить Господа нашего Иисуса Христа за души Гилла Коэмгайна, Мак Бетада и Лулаха. А ты будешь править. Ведь ты всегда хотела именно этого, не так ли?

– У меня есть права. Я королева и мать короля.

– Я тоже была королевой и матерью короля. Много ли счастья мне это принесло?

– Счастье! – с презрением бросила Брид, будто это слово означало что-то низменное. Потом повернулась к Фионе. –

Теперь тебе придется стать Матерью ковена.

– Нет, – негромко, но твердо ответила та. – Я возвращаюсь в горы.

– Что ты этим хочешь сказать, Фиона инген Финнгуал?

– Я должна заботиться о своих детях. И только мои родители сумеют защитить их, пока они малы. Как родители Донникада защищали твоих сыновей. Но ты не бойся меня, леди Брид. Я не хочу соперничать с тобой ни как королева, ни как Мать ковена. Я не буду ни той, ни другой. Мне нужно лишь, чтоб мои дети унаследовали Морэй. Если король Маэль Колум пообещает мне это, он может не опасаться мести.

– Еще бы я стала бояться тебя, Фиона. Ты жалка и слаба, так же, как она. – Брид указала в сторону Груох. – Но если она стала такой от старости, ты жалка сама по себе. Вы предали меня, предали Богиню, – что же! Мне не нужен ковен, если он состоит из таких, как вы. Я сама удержу власть и послужу древней вере!

– Власть нынче у твоего сына, – сказала Груох.

– Это одно и то же.

– Я думала так же, когда Мак Бетад стал королем. Мы все так думали. Кто, как не сын Финлейха, чьи предки ведут род от людей богини Дану, послужит древней вере! Но мы все ошиблись. Древняя вера умерла, и служить ей бесполезно.

– Мак Бетад заморочил тебе голову, так же, как ему заморочили голову римские монахи.

– Я знаю одно, устало произнесла Груох. – Втроем мы уже

никогда не встретимся. – Она взглянула на небо. Серпик луны почти не был виден. Приближалась заря. – Я ухожу. Если хочешь убить меня – ядом или заклинаниями, буду тебе лишь благодарна. Тогда я вновь буду со своим сыном.

– Уйду и я, – сказала Фиона. – Мне пора возвращаться к своим детям.

– Что ж, убирайтесь. Вы еще пожалеете о том, что предали меня, но будет поздно.

– Так быть должно, – по привычке подхватила Груох – слишком часто за многие годы приходилось ей произносить это заклятье.

– Так рок судил, – завершила Фиона. – Отпусти нас, Богиня.

– Она никогда не отпустит вас! – выкрикнула Брид. – Она может унести к Луне на кончике ее серпа, но вы навсегда останетесь ее рабынями!

Ни Груох, ни Фиона не ответили. Каждая уходила своей тропой, одна к монастырю, другая – к бухте. Вскоре все заволкло туманом, и три жрицы словно бы бесследно растаяли.

*Замок Дунсинан близ Перта.*

*Конец апреля.*

– Воистину это лучший из замков в Альбе, – учтиво сказал Гарольд. Compliment был весьма двусмысленный для тех, кто видел лондонский Тауэр, не говоря уж о замках на континенте. Но Маэль Колум там никогда не бывал, и согла-

сился с английским гостем. Впрочем, в замке он ценил вовсе не красоту.

– Мак Бетад укреплял его все эти годы. И если б у него хватило ума не выводить войско в поле, а запереться здесь, не знаю, удалось бы мне его взять.

Мак Бетад укреплял Дунсинан с самого начала своего правления, и превратил его в мощную крепость, господствующую над Пертом, столицей Альбы. Впрочем, если Дунсинан, пусть и с оговорками, можно было назвать настоящим королевским замком, для Перта имя «столица» звучало слишком громко. С точки зрения Гарольда, это был жалкий городишко, и даже кичливые скотты не стали бы здесь с ним спорить. Они не любили жить в городах. Причина, по которой короли Альбы держали столицу именно в Перте, была очевидна – рядом с городом находилось аббатство Скон, в котором хранилось главное сокровище страны. Не золото, не драгоценности, даже не рака с мощами почитаемых святых, а грубый валун, неотделанный камень. Однако лишь тот, кого короновали на Камне Судьбы, мог считаться законным правителем Альбы. Последним из королей, чье право на престол было освящено Сконским камнем, был Лулах, пусть он и соблюдал этот обычай, по всей вероятности, лишь повинаясь чужой воле. И хотя все признавали за Маэлем Колумом право на месть за отца, без коронации в Сcone по обычаю предков он считался бы просто узурпатором. Чередой королей, признававших святость этого ритуала, уходила

во тьму веков. Аббат Дунстан, посещавший королевский замок, рассказал Гарольду, в чем заключалось священное значение камня. (Аббат обучался в монастырской школе в Англии, и знал язык саксов.)

Сей самый камень, говорил он, был под головою патриарха Иакова, когда видел тот сон о лестнице, что касалась неба, и ангелы восходили и нисходили по ней. И в ту же ночь получил Иаков пророчество от Господа, что земля, где он лежит, будет дана ему и потомству его. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его себе памятником, и возлил елей на верх его. И сей камень, что помазан был елеем, и есть камень, хранящийся в Сконском аббатстве, и оттого миропомазание происходит непременно на нем.

Каким образом камень попал из Святой земли в королевство скоттов, аббат Дунстан поведать не мог, но Гарольд уже имел некоторое представление об особенностях кельтского воображения, и не настаивал на объяснении. Сына и посланника графа Годвина и так уже недолюбливали, не хватало еще обзавестись врагами в лице представителей церкви.

Аббат и нынче был здесь, чтобы сообщить о подготовке к коронации. Запись о ней, безусловно, должна быть сделана в анналах аббатства Скон.

Скотты, в отличие от ирландцев, не испытывали такого преклонения перед книжной ученостью, и не стремились записывать все подряд, включая вещи самые незначительные.

Однако деяния королей, начало и конец их правления, были слишком важны, чтоб не упомянуть о них, и пусть Альба не изобиловала грамотными людьми, в монастырях имелись люди, обладающие достаточными познаниями, чтоб написать об этом.

Так повествовал аббат, сидя у очага, пока появившийся слуга не прошептал что-то на ухо молодому королю.

Маэль Колум поднялся с кресла, покрытого волчьей шкурой.

– Дражайшие гости, я получил некое известие, и должен ненадолго вас оставить, чтоб выслушать его. Святой отец, надеюсь, ты развлечешь мудрой беседой нашего друга сассенаха, пока я не вернусь.

– Маэль Колум – юноша учтивый и благородный, – заметил аббат Дунстан – черноглазый, горбоносый, с кустистыми бровями и обветренным лицом. Тонзуру он не выбривал – ее уже заменила лысина. – Такой же, как Мак Бетад.

Гарольд не ждал подобных сравнений, особенно от приближенных Маэля, и удивленно поднял брови. Спросил: – Ты хорошо знал Мак Бетада?

– Конечно. Я и соборовал его, а теперь вот буду участвовать в коронации его преемника.

– Так Мак Бетад умер здесь? – Гарольд слышал, что Мак Бетад скончался от раны, полученной в битве с Маэлем и его сторонниками, но не знал подробностей.

– Нет, в Сконе. В аббатство он приказал себя доставить

после битвы, дабы почить в мире. Ибо он был подлинным христианином, и деяния его были угодны Господу.

Гарольд не стал уточнять, о каких таких деяниях идет речь – убийстве Доннказа? Или, может, Гилла Коэмгайна? Ясно было, что Дунстан, как священнослужитель, имеет в виду деяния вполне определенные: строительство церквей, вклады в монастыри, паломничество в Рим.

– Говорят, ваш король Эдуард тоже очень благочестив? – полюбопытствовал Дунстан.

– Очень, – кратко отозвался Гарольд.

Неужели аббат столь оторван от мирской жизни, что не слышал о противостоянии между Эдуардом Исповедником и Годвином Уэссекским? Хотя кто их, этих скоттов, разберет.

По правде, Эдуард был благочестив еще более, чем Мак Бетад. Последний, по крайней мере, до того, как отослал жену, не вел жизнь монаха. Впрочем, не шибко это ему помогло.

Но у Эдуарда нет даже приемных сыновей. Отсутствие прямого наследника Уэссекскому дому скорее выгодно.

Беда в том, что так же думает и Гильом Незаконнорожденный.

Мысли Гарольда вернулись в привычную колею, и он перестал прислушиваться к тому, что вещает Дунстан. Было однако в речах аббата нечто, царапнувшее сознание. Безусловно, не то, что он, отдав последнюю дань Мак Бетаду, стремится отдать первую дань Маэлю Колуму. Тут дело по-

нятное и обычное. Но содержалось в его словах нечто важное... что же?

Маэль Колум тем временем поднялся в светлицу, где у двери стояла вооруженная охрана. Маэль озаботился, чтоб воины здесь были не из Каитнессов и не из Атоллов.

Леди Брид прибыла совсем недавно, но успела привести себя в порядок, и сейчас ничем не напоминала босую жрицу, в ночи творящую чары над котлом со странным варевом. Ее волосы были тщательно убраны под белоснежную вдовью повязку. Платье из тонкой крашеной шерсти и башмаки из мягкой кожи, украшенные серебряными цепочками, могла себе позволить только женщина самого высокого сословия.

Но все женщины – от королев до рабынь – занимаются домашним рукоделием: ткут, прядут, шьют. И всякая женщина доброго нрава не расстается с прялкой даже в дороге. Когда Маэль Колум вошел, леди Брид прядла, сидя на скамейке под окном. При виде сына она не встала, лишь отложила прялку. Но молвить первое слово Маэлю она не дала.

– Я знала, сын мой, что ты непременно прийдешь за мной, чтоб я прибыла на твою коронацию. Но отчего же меня держат под стражей?

– Для того, матушка, – холодно ответил Маэль Колум, – чтобы не подстроила ты в Дунсинане нового смертоубийства.

Если он собирался этим заявлением смутить леди Брид, то просчитался.

– А еще нас, женщин, называют болтливыми, – спокойно сказала она. – Каитнесс – хороший юноша, но не умеет держать язык за зубами.

– Значит, ты не отпираешься, что велела ему убить Лулаха?

– Ради твоего же блага.

Маэля передернула. С раннего детства он слышал от матери эти слова. Он не сомневался, что леди Брид говорит искренне. Но он уже не ребенок, он король, и сам способен решать, что ему на благо, а что нет.

– Разве ты не понимаешь, что от него обязательно нужно было избавиться? – продолжала она, – почти слово в слово с сассенахом.

– Нужно. Но не теперь.

– Именно теперь.

Странно, сассенах, чужой человек, понял его, а мать отказывалась принимать разумные доводы. Потом Маэль догадался.

– Ах да, я уже слышал эту чушь про канун Бельтана.

Обвинение в убийстве не вывело леди Брид из себя, а вот «чушь» заставила возвысить голос.

– Не кощунствуй!

После непродолжительного молчания Маэль Колум произнес:

– Значит, то, о чем болтали в Атолле – правда. Ты одна

из тех, кто поклоняется Гекате в горах и на пустоши Форрес, варя в котлах жаб и змей.

– Не рассуждай о том, чего не понимаешь, – с презрением сказала она. – Только благодаря нам еще держится порядок в Альбе, когда короли не соблюдают древний обычай.

– Какой обычай?

– Испокон было известно: правление будет удачным лишь тогда, когда король принесет в жертву своего соправителя – *tanaïs rig*, двойника, теневого короля. Кто бы ни убил Гилла Коэмгайна, он соблюдал обычай. А когда пришла пора, и закончился Великий Год, Маэль Колум Старый назначил нового *tanaïs rig* – твоего отца, Доннкада. Думаешь, почему он назначил соправителем внука, хотя сын был жив и здоровствовал? Но он не успел свершить своего намерения и умер. Доннкаду сопутствовало злосчастье, потому что он был тенью Ард Ри, а пытался быть королем. И он нашел предназначенную судьбу жертвы, приняв смерть от рук Мак Бетада. Тот правильно начал свое правление, и оттого правил так долго. Он также по прошествии Великого Года назначил себе двойника, и если бы принес его в жертву, то смог бы удержать власть. Но Мак Бетад отринул исконные обычаи, он почитал чужих богов и слушал чужих священников. Потому власть была у него отнята, и Лулах стал твоим *tanaïs rig*, ибо вы были объявлены королями одновременно. Но твои христианские наставники задумали тебе голову так же, как Мак Бетаду, и ты не знал, как правильно принести жертву. Тогда

я сделала это за тебя. Правда, тело Лулаха не было сожжено, но это ничего – Доннкад тоже не был принесен в жертву по всем правилам...

– Прекрати! – на лице Маэля выразилось отвращение. – Ты говоришь о моем отце и своем муже!

– Я говорю о власти, которую я тебе вручаю.

– Из твоих рук я не приму ничего, – процедил Маэль Колум.

Глаза Брид сузились.

– Вот как? А корону?

– Я не собираюсь допускать тебя на коронацию, матушка.

– Тогда и коронации не будет! Ибо всегда корону на голову короля возлагала одна из нас, жриц Белой Госпожи – как Груох короновала Гилла, а потом Мак Бетада!

– Свят обычай короноваться на Сконском камне – только он и придает законность правлению.

– Сконский камень – всего лишь осколок Камня Богини на пустоши Форрес! В нем заключена древняя сила земли, оттого ему и поклоняются. И лишь жрица может обновить силу в том камне, что отдан королям!

– Не желаю слушать этот языческий бред. Отныне все будет по-иному. И скорее король скоттов лишится Камня Судьбы, чем вновь примет венец из рук женщины.

– Тогда власть королей в Альбе падет!

– Не стоит меня пугать, леди Брид. Я давно уже не мальчик, и не верю в сказки о Ведьмином Камне в Форресе и в

предсказания вещих сестер. Я король в своем праве, и приказываю тебе: отныне ты будешь вести себя, как подобает смиренной вдове. Ты отправишься в монастырь строгого устава, и там проследят, чтоб ты чаще стояла на коленях, молясь о своей душе, чем поднималась с них. И запомни – я не Мак Бетад, у которого не хватило духа казнить ворожею. Все замеченные в волхвовании будут приведены к пытке и наказаны. Все. Запомни это!

И он вышел. Леди Брид по прошествии нескольких мгновений вновь взялась за прялку. Руки ее дрожали, но глаза были сухи. Губы шевелились. Но повторяла ли она те слова, что шептала склоняясь над костром, или те, коими родители из века в век клянут неблагодарность детей, невозможно было разобрать.

Вернувшись в свои покои, Маэль Колум застал Гарольда одного. Аббат Дунстан ушел почивать.

– Ты как будто обеспокоен, – сказал сакс. – Дурные вести?  
– Ничего важного, – разумеется, Маэль не собирался рассказывать Гарольду о матери. Саксы и так считают кельтов язычниками, не хватало еще подтверждать их мнение. – А гнетет меня смерть Лулаха. И еще соратники Мак Бетада – я не знаю, как с ними примириться.

Здесь он вполне мог спросить у Гарольда совета. Сассенах пронизателен, а его отец – самый могущественный человек в Англии. Более могущественный, чем король.

– Они желают мстить за Мак Бетада?

– Нет. За Лулаха. А Мак Бетад... почему за него надо мстить? Он получил смертельную рану в честной битве, умер в святой обители, и похоронен в усыпальнице королей на Ионе. Это завидная судьба, не всякому королю выпадает такая.

За то время, что Маэль Колум отсутствовал, Гарольд успел обдумать свою беседу с Дунстаном, и то, что поначалу прошло мимо его внимания, прояснилось.

– Тогда постарайся сделать так, чтоб о Простаке забыли. Вот увидишь, это нетрудно. Пусть монахи не упоминают его в хрониках и описаниях королевских деяний. А барды пусть твердят сколь угодно о Мак Бетаде, а потом о тебе. Маэль Колум – преемник Мак Бетада, понимаешь? А Лулах... такого короля не было.

Маэлю не слишком нравилось следовать советам сакса. И так уже болтали, что он пришел к власти с помощью англичан, забывая о том, что ни один воин из Англии в его войне с Мак Бетадом не участвовал. Да, Мак Бетад сражался с Сивардом Нортумбрийским, но это было три года назад...

Вот именно. Люди не помнят совсем недавних событий. А если постараться, забудут о них вовсе. То, что говорит Гарольд, разумно.

И вообще у саксов есть разумные обычаи, которые следует перенять. Не так ли поступал и Мак Бетад? Надо продолжить его полезные начинания. Кстати, следует еще больше

укрепить Лохлевен, чтоб женщины, живущие там, не могли ни общаться с посторонними, ни бежать. И еще кое-что...

*Аббатство Скон.*

*Бельтан.*

Они стояли на холме Мут, у стен Сконского аббатства – лаэрдры, мормаэры и ригдомна, и следили за происходящим. Священники и монахи вынесли из аббатства Камень Судьбы и установили на вершине холма. Человек, которому подобный камень мог служить изголовьем, должен был отличаться сложением великана, но никто в подобных свойствах прародителя Иакова и не сомневался.

Затем епископ Сент-Эндрюсский с помощью аббата Дунстана окропил камень святой водой и помазал священным миром.

Аббат произносил слова, непонятные большинству собравшихся, и казалось им, что это заклинания, а действия, творимые епископом – древняя магия. Они ошибались. Аббат читал на церковной латыни из книги Бытия:

*«И вот, Я с тобою, и сохраню тебя везде, где ты не пойдешь, и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе.*

*Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!*

*И убоялся и сказал: как страшно сие место! Это не что иное как дом Божий, это врата небесные.»*

Впрочем, возможно, не так уж они ошибались.

Когда свершилась церемония миропомазания камня, и из аббатства вынесли корону, до этого святившуюся на алтаре, Маэль Колум выступил вперед. До того он пристально следил, как ведут себя окружающие, не возмутится ли кто отсутствием жрицы из Форреса.

Но прав был Маэль, а не леди Брид. Коронация Мак Бетада была слишком давно, и все успели позабыть, как она происходила. А Лулах был коронован в спешке, и без соблюдения всех должных обрядов.

Пора было сделать свой ход.

Рядом с Маэлем стоял Мак Дафф, глава клана Файф. Они был одним из самых яростным противников Мак Бетада и не воспрепятствовал убийству Лулаха. Но между ним и Маэлем не было доверия. Тот, кто причастен к гибели двух королей, не побоится и третьего. А Файф – человек могущественный. Значит, надо сделать его своим союзником.

– Наш храбрый родич! – обратился к нему Маэль Колум, громко, чтоб все слышали. – Кому, как не тебе принадлежит право возложить венец на голову короля! И да сохранится это право за твоими потомками, и да не будет власть Ард Ри законна, если его не коронует глава клана Файф!

На мрачном лице Мак Даффа медленно, очень медленно появилась улыбка.

– Да будет так, – хрипло сказал он.

Глупец, – подумал Маэль Колум. Он только что лишил своим согласием права на корону себя и своих потомков.

Мак Дафф принял корону у епископа и возложил ее на голову Маэля. Потом взял его за руку и подвел к Камню Судьбы. Когда Маэль сел на камень, Мак Дафф провозгласил:

– Живи, Маэль Колум! Теперь ты – наш король!

И все собравшиеся подхватили этот клич.

Хорошо, думал Маэль Колум, – но недостаточно. Он только что перетянул на свою сторону Мак Даффа, но есть и другие. Что там было насчет подражания английским обычаям?

– Соратники мои, – сказал он, когда наступила тишина. – Я решил ввести в Альбе титул графа. И даю его всем, кто поддержал меня.

На сей раз радостный клич был еще оглушительней.

– Не беспокойтесь, господа, – с улыбкой сказал король. – При мне все будет, как при Мак Бетаде.

# Песни бедного Тома

*Не знаю, под какой звездой  
Рожден, ни добрый я, ни злой,  
Ни всех любимец, ни изгой,  
Но все в зачатке,  
Я феей одарен ночной  
В глухом распадке.*

*Я болен, чую смертный хлад,  
Чем болен, мне не говорят,  
Врага ищущу я наугад,  
Все их ухватки —  
Вздор, коль меня не защитят  
От лихорадки.*

**Гильом Аквитанский, «Песня ни о чем»**

*Childe Roland to the Dark Tower came.  
He word was so still —  
Fie, foh and fum.  
I smell the blood of British man.*

Шел дождь. И в окрестностях аббатства святой Марии, и над Касневиддом, и над Монмутширом. Ветер и дождь по осени в Уэльсе – дело обычное, но даже в ноябре порой стоят погожие и ясные дни. Однако в этом году осень выдалась особенно сумрачная и дождливая. Многие сетовали, что из-

за этого – сплошные убытки, другие же считали, что из-за дождей дороги размыло, и значит, врагам сюда не добраться. Впрочем, военные действия, терзавшие Англию, не затронули южный Уэльс.

Человеку, стоявшему на берегу реки, не было дела ни до несчастий землепашцев и купцов, ни до опустошительной войны. Он просто об этом не знал. По реке проплывал корабль, и он не мог оторвать от него взгляда. Эта была всего лишь речная грузовая барка, но за хлещущими струями дождя человеку чудилось нечто иное. Что – он тоже не знал. Он вообще мало что осознавал.

Человек был бос и облачен в поношенную рясу, но вряд ли кто-нибудь принял бы его за монаха – скорей за нищего, получившего такую одежду из милости. Не было при нем ни креста, ни четок, одежда не подпоясана. Голову и плечи вместо капюшона прикрывала старая рогожа. Волосы и бороду, когда-то ярко-рыжие, а теперь потускневшие, обильно пробила седина.

Глядя на барку на реке Уай, он что-то невнятно бормотал. Временами эти звуки напоминали мычание, или пение, если не обращать внимания на прорывавшиеся в нем непонятные слова – что то вроде «фи, фо, фум». Но когда рогожа промокла, и вместе с отсыревшей одеждой прилила к телу, он вздрогнул и пожаловался в пространство:

– Бедному Тому холодно!

Никто не услышал этой жалобы, никто не ответил. Чело-

век повернулся и потрусил по траве, почерневшей и пожухшей, в сторону аббатства.

Привратник пропустил его беспрепятственно – привык, что он приходит и уходит, когда хочет. Рыжий в рогоже ходил свободно почти везде. Конечно, в настоятельские покои, в ризницу или сокровищницу никто б его не допустил, но зачем туда соваться, когда есть кухня, хлеб, огород и амбары?

Он миновал все эти привычные места и прошел к гостевому дому – тот размещался как раз за покоем настоятеля. Это было солидное строение с собственной трапезной. Чтобы попасть туда, надо было пересечь *ingressus* – прихожую с помещением для прислуги, и здесь он двигался с осторожностью – тут, бывало, попадались люди, в отличие от монахов, его не знавшие, могли прогнать прочь и даже побить. Но ему повезло – там было тихо, обитатели спали либо ушли. Никого не было и в зале. Со стола после утренней трапезы успели убрать. Но человек не хотел есть, он хотел согреться. Здесь был большой очаг – единственный в здании. Однако очаг был холоден. Его должны были затопить позже, к обеду – ведь за едой следовало душеполезное чтение. Темнело теперь рано, особенно при таком дожде, а очаг служил также источником света.

За трапезной располагались собственно покои для гостей – *caminatae cum lectis*. Они были устроены так, что обогревались от того же очага, и вообще отличались большим удобством. Оттуда доносились голоса, и человек, движимый лю-

бопытством, подошел к полуоткрытой двери. Читали по-латыни, но он привык к звучанию этого языка.

– «... младшая дочь Кордейла, понимая, что отца покорили лживые уверения старших сестер, пожелала его испытать и порешила ему ответствовать иначе, чем те: «Существует ли где, отец мой, такая дочь, которая могла бы мнить о себе, что она любит отца более, чем отца? Ведь ты стоишь столько, сколько заключаешь в себе, и столько же любви я питаю к тебе».

Проставленный магистр Груффид ап Артур приехал в аббатство из Касневидда, который саксы называли Ньюпортом, где жил в последние годы. Он вернулся в родной Уэльс, когда Оксфорд, в коем он возглавлял монастырскую школу, оказался в сердце военных действий. С тех пор, как вышли в свет и распространились по всей Британии «Пророчества Мерлина», любой город в Уэльсе рад был дать приют столь знаменитому ученому. А в аббатстве переписывали книги магистра – и «Пророчества Мерлина», и снискавшую не меньшую славу «Историю королей Британии». Последняя, впрочем, в своем нынешнем состоянии не удовлетворяла магистра Груффида, и он работал над новой версией. С ней он и знакомил своего здешнего ученика, брата Мадокка из Эдейрна.

– «... взяв с собой дочь, Леир переправил в Британию множество собранных в Галлии воинов, и, сразившись с зятьями, одержал над ними верх. Затем, восстановив свою

власть над всеми своими былыми подданными, он на третий год умер. А Кордейла, дочь Леира, взяла в свои руки бразды правления». – Брат Мадок закончил читать. – Прекрасно, просто прекрасно. Сравнимо с лучшими страницами твоей летописи, высокочтимый учитель. Но...

– Тебя что-то смущает?

Как всякий автор, магистр Груффид жаждал критики в свой адрес – но лишь такой критики, которая бы его устроила.

Бенедиктинец отошел от пюпитра, погрузив порядком замерзшие пальцы в широкие рукава.

– Не знаю, как выразить... Если соответствия другим историям, которые блестяще изложены тобою – о короле Артуре, о Кимбелине, не говоря уж о Мерлине – мы находим в сочинениях Гильдаса и Ненния, а также славнейших бардов древности – Талиесина и Анейрина... но Леир? История сообщает о нем ничего, кроме имени.

– Мой друг, – кротко ответил магистр, – существуют иные хроники, посвященные древней британской истории. Много почерпнул я из стариннейшей книги на валлийском языке, которую вручил мне мой наставник Вальтер Оксенфордский, предложив перевести на латинский язык, дабы истина стала внятна...

Мадок выслушал это терпеливо. Груффид постоянно ссылался на древнюю книгу, полученную им в Оксфорде от архидиакона Вальтера, уверяя, что выступает лишь перевод-

чиком. Но никто никогда этой книги не видел, и Мадок подозревал, что самые захватывающие эпизоды в творениях Груффиды придуманы им самим. Магистр ведь был валлийцем, а значит, обладал неумным воображением. И Мадок, сам будучи валлийцем, не мог его осуждать. Но и молчать тоже не мог.

– Вдобавок это сильно напоминает нянькину сказку, – продолжал он. – Может быть, знаешь: – он перешел на валлийский, – «Давным-давно, когда – никто не помнит, жил старый король, и было у него три дочери. Решил он их испытать, и сказал – кто из вас любит меня больше, получит самое большое приданое. И старшая сказала – люблю тебя, как самое красивое платье. И средняя сказала: люблю, как самое вкусное блюдо. И младшая сказала: люблю, как соль»...

– У короля было не три дочери. У короля были и дочери, и сыновья...

Эта фраза прозвучала очень странно, и не только потому, что вошедший оборванец был разительно не похож на ученых клириков. Так же сильно отличался от их речи его говор.

Магистр Груффид нахмурился.

– Кто это еще?

Услышав сердитый голос, оборванец отшатнулся и прикрыл лицо руками.

– Разве ты прежде его не видел, наставник? Это безумец, человек Божий. Живет при аббатстве из милости и кормится от щедрот братии. Не бойся, Том, – ласково обратился Ма-

док к юридическому, – никто тебя не обидит.

Тот опустил руки, выражение его лица стало совершенно детским. Он бочком отошел от двери, опустился на пол у ног брата Мадока и уставился на магистра.

– Откуда он взялся?

– Добрые люди привели. Давно это было. Когда я переехал сюда из обители Эдейрнской, он уже здесь жил, а тому уж лет десять. Говорят, прежде бродил по дорогам нагишом, питался лягушками, головастиками и ящерицами. Переходил из села в село, от розог к розгам, из колодок в колодки, из тюрьмы в тюрьму. А откуда пришел – сам того не знает. Наш лекарь говорит, что когда-то ему крепко досталось. У него на голове старые шрамы, когда-то он сильно ударился – или его ударили. Видно, от того и помешался. Но аббат наш думает по-иному...

– Вот как?

– Он считает, что наш Бедный Том одержим бесами. И трудно с тем поспорить. Иногда он рассуждает почти разумно, а иногда вдруг начинает нести такое, что мороз по коже. Говорит и поет на языках, которых никто не знает, поминает демонов по именам, и тогда над ним совершают обряд экзорцизма. Тогда он успокаивается. Но ненадолго. Потому отец Маэль и считает, что опасно было бы отпускать его из аббатства.

– Король передал короны старшей дочери и старшему сыну. Старшая дочь взяла корону императорскую, а старший

сын – королевскую. А другие дочь и сын поклялись всегда быть им верными...

Сумасшедший говорил на дикой смеси валлийского и английского языков, с вкраплением французских слов, которых неизвестно где нахватался. Но клирики его прекрасно поняли.

– Том, ты говоришь о покойном нашем короле Генрихе Боклерке, и его детях. А мы говорим совсем о другом короле.

Магистр Груффид перебил Мадока, резко обратившись к помешанному:

– Кем ты был раньше?

– Гордецом и ветреником. Завивался. Носил перчатки на шляпе, – отвечал юродивый. – Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их средь бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях, и просыпался, чтоб их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана. Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лис, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев. В терновнике северный ветер свистит. Бедный Том озяб.

Магистр покачал головой.

– В какой-то миг я усомнился в его безумии. Мне даже показалось, что он кого-то мне напоминает... Но говорить так может лишь действительно одержимый.

Словно в ответ, Том тихонько забубнил песенку, слов ко-

торой нельзя было понять.

*No sai en qual horam fuy natz:  
no suy alegres ni iratz,  
no suy estrains ni sui privatz,  
ni non puesc au,  
qu'enaissi fuy de fadatz,  
sobr' un pueg au.*

*Malautz suy e tremi murir,  
e ren no sai mas quan n' aug dir;  
metge querrai al mieu albir,  
e non sai tau;  
bos metges es quim pot querir,  
mas non, si amau.*

– Оставим его, магистр, он совершенно безобиден. Вернемся к твоей повести о короле Леире. – За то время, что магистр пытался выспрашивать юродивого, Мадок наконец собрался заговорить о том, что его действительно беспокоило. – Магистр! Даже этот жалкий безумец угадал сходство твоей истории с событиями нынешних лет. Как можно усомниться в том, что его не увидят остальные?

– О каком сходстве ты говоришь?

В голосе магистра не было искренности – он знал, на что намекает Мадок.

– Смотри сам. Вот нарушен договор, заключенный Леиром с Гонорильей и Регау и их мужьями. Законная власть

узурпирована. А потом верная королю дочь, прибыв с войском из Франции, побеждает узурпаторов. Не ясно ли ты дал понять, чьей победы чаешь?

Магистр промолчал, не требуя разъяснений. Война шла слишком давно, и хотя Уэльс оставался в стороне от боевых действий, мало кто не знал об ее причинах.

После гибели единственного законного сына король Генрих Боклерк назвал своей наследницей дочь Мад, по-норманнски – Матильду. Она носила титул графини Анжуйской – по второму мужу, но чаще ее именовали императрицей Матильдой, ибо в первом браке она была за императором германским. Да она и сама предпочитала зваться так, ибо была, по общему мнению, надменна и горда. Английские и норманнские бароны присягнули Матильде на верность. Но после смерти короля его племянник граф Стефан де Блуа заявил, что английская держава слишком благородна, чтобы подчиниться женщине, и возложил на себя корону. Однако Матильда, ее муж, Жоффруа Плантагенет, граф Анжуйский, и дядя – король Шотландии не собирались с этим мириться. Так началась война, тянувшаяся седьмой год.

– Особенно если вспомнить, кому ты посвятил «Историю королей Британии», – продолжал Мадок. – Правда, это было до того, как он изменил Стефану...

Труд магистра был обращен к графу Роберту Глостеру – единокровному брату Матильды и главному ее полководцу.

Магистр задумчиво кивнул, отвечая скорее своим мыслям, чем собеседнику.

– Глостеру фатально не везет. Заметь, он мог бы сам захватить престол, и, полагаю, это удалось бы ему без труда. Но его связывает верность сестре. И как раз из-за этой верности его называют изменником.

– У Глостера нет прав на престол. Он бастард.

– Как будто при правле силы это когда-либо имело значение. Ведь и сам основатель их династии, прежде чем назваться Вильгельмом Завоевателем, именовался «Гильом Незаконнорожденный». В любом случае, не нам в Уэльсе, где внебрачные и законные дети уравниены в правах, попрекать Глостера его рождением. И тем более – не мне.

Мадок прикусил губу. Пожалуй, не стоило затрагивать эту тему. Магистр был не только бастардом, он был сыном священника, и следовательно как бы дважды незаконнорожденным.

Он попытался вывернуться, переведя все на политику.

– Вот и Матильду архиепископ Кентерберийский объявил незаконнорожденной. На том лишь основании, что мать ее Матильда Шотландская, с детских лет до замужества пребывала в монастыре, а значит, обручена с Господом.

– Чего только люди не придумают, чтоб оправдать нарушение присяги... Но чего еще следовало ожидать от родного брата Стефана? Он – за своего брата, Глостер – за свою сестру. И более достойным образом.

– Но ты так и не ответил на мой вопрос. Почему ты взял сторону Матильды, а не Стефана? Этот король, коего называют зеркалом рыцарства, сейчас силен как никогда, и бароны поддерживают его, а не надменную императрицу.

– Сила Стефана – в его слабости. Чтоб обеспечить себе эту поддержку, он раздает титулы и ленные владения. Откупается землями от воинственных соседей – шотландцы заполучили уже почти весь север. И каждый барон нынче сам себе король в своем замке, и потому все они будут восхвалять Стефана и называть его зеркалом рыцарства, за исключением тех, кто называет его идиотом. А Матильду, которая бы никогда не допустила анархии, ибо требовала подчинения всех подданных королевской воле, называют надменной гордячкой. – Он усмехнулся. – Как это он сказал – английское королевство слишком благородно, чтоб наследование шло по прялке? Наследование должно идти по мечу. А то, что сама Матильда способна взять меч, а мужа усадить за прялку, во внимание не принимается.

– Так же, как супруга Стефана, Матильда Булонская. Недаром это имя значит «могучая воительница». Кстати, так же звали и мать императрицы, и супругу несчастного Вильгельма Этелинга, принявшую постриг, и младшую сестру, утонувшую вместе с ним...

– И впрямь, кругом одни Матильды. Что ж, истинно королевское имя. Не то, что у ее соперника. Ты где-нибудь слышал о короле, которого бы звали Стивен?

– Не отшучивайся, наставник. Ты сам сказал – власть Стефана слаба. Но разве нам, валлийцам, не выгоден на английском престоле слабый король?

Груффид ап Артур посерьезнел. Прежний разговор, казалось, лишь развлекал его, теперь же Мадок коснулся действительно важных вещей.

– Я знаю, что многие, что многие у нас мечтают отомстить саксам за все беды, которое те принесли Уэльсу, и воспевают подвиги Оуэна ап Гриффита. – Молодой и воинственный валлийский князь совершил ряд удачных рейдов на английскую территорию, и Стефан был бессилен с ним совладать. – Но это ошибка, мой друг...

– Что ты имеешь в виду?

– Этого недостаточно... даже если мы вовсе освободимся от саксов. Мы не просто валлийцы, мы – бритты, потомки Энея и Брута, наследники древнего и славного народа. Саксы вытеснили нас с исконных земель, но Мерлин не зря предсказал грядущее поражение Белого Дракона. Пришли норманны и победили саксов, ныне называющих себя англичанами. Возможно, именно норманном, думал я, суждено восстановить древнюю державу и осуществить пророчество. Оттого-то я и стремился рассказать их властителям о наших королях, которым им выпало наследовать, потому и посвятил свою книгу графу Глостеру. Но и этого оказалось недостаточно. Потомки Вильгельма Завоевателя слишком заняты междоусобной войной. И теперь чаяния мои связаны с

Плантагенетами, властителями Андегавскими, также потомками Брута. Покойных король дважды связал с ними своих детей брачными узами.

– Просто старый Фульк Анжуйский был самым могущественным сеньером в землях франков, и король хотел заручиться его поддержкой.

– И это тоже. Но я сейчас не о нем, и даже не о Джефффри Плантагенете, хоть он мне и тезка (Жоффруа Анжуйский, муж Матильды, по-английски звался так же, как Груффид), но о наследнике рода, юном Генрихе. Говорят, он не только отличается блестящими дарованиями, но и питает исключительный интерес к британской истории.

– Может быть. Но пока он слишком юн, чтобы играть решающую роль в войне. И, поскольку его отец и впрямь неважный полководец – а может, островные владения жены его просто не интересуют, – главной опорой Матильды по-прежнему остается граф Глостер... и мы вернулись к тому, с чего начали.

– Да, Глостер... если бы он не дал себя так глупо захватить в плен, все было бы кончено еще в прошлом году. – Полтора года назад Стефан был захвачен войсками императрицы, Матильда, *Domina Anglorum*, вступила в Лондон и была провозглашена королевой, но потом Роберт Глостер попал в плен – и Матильда обменяла Стефана на брата. – Верность родным есть проклятие детей Генриха. Матильда ради бра-

та не пожалела короны. Вильгельм Этелинг, говорят, утонул, спасая младшую сестру, еще одну Матильду...

– А ведь утверждали, что Гильом Аделин (Мадок назвал покойного принца на норманнский манер) был замечательно образован, учился у лучших наставников, знал несколько языков, при этом успел отличиться в военных кампаниях...

– Ну, людям свойственно преувеличивать достоинства принцев, особенно рано погибших.

– Но будь он даже глуп как пробка, он был единственным наследником, в правах которого не было сомнений. Если б «Белый корабль» не затонул тогда, никакой войны бы не было. А потомки Плантагенетов все равно бы сели на английский трон – ведь жена Гильома из этого рода.

– Но лучший из королевских кораблей разбился о скалу, и дети короля, и цвет норманнской знати – все погибли. Один Стефан в последний момент отказался отплывать – из-за расстройства желудка. Вот как приступ поноса может определить судьбу королевства.

Безумный, о котором собеседники забыли, тихонько запел:

*Чайлд Роланд подходит к Темной Башне,*

*Слышно там, как кто-то говорит:*

*«Фи, фо, фам! Британской кровью пахнет!»*

– Не иначе, этот мудрец напоминает нам, что мы слишком заговорились о посторонних вещах, – сказал магистр. – Да-

вай лучше вернемся к истории короля Леира. Что там тебя еще не устраивает?

– Некоторая нелогичность. Зачем Леир испытывал дочерей? Ведь Гонорилья и Регау отобрали у него владения в результате войны. Вот если бы они своей лестью добились, чтоб он им сам добровольно все отдал...

– Брат Мадок! Ты сам бросил мне упрек, что история похожа на сказку, а теперь говоришь такую несообразность. Король может добровольно отдать свои владения только в приступе безумия, а Леир безумным не был. Он был изгнанником и скитальцем, но не безумцем.

– Сие сказано отнюдь не в упрек. Мерлин изрекал свои пророчества именно будучи безумным скитальцем.

– Мерлин не был королем.

– Многие говорят иное. «Был он король и пророк: народом гордым деметов правил и предрекал грядущие судьбы монархам»...

– Это из твоей поэмы?

– Да. Я поставил себе целью воспеть жизнь и пророчества Мерлина.

– Превосходно. Только, если ты будешь излагать его пророчества, люди, пожалуй, скажут, что это я написал.

– Мне сие лестно.

– Не скромничай. Полагаю, поэма твоя будет иметь успех. Люди всегда хотят слышать о пророчествах, о королях, возвращающих законный престол, и о принцах, потерянных и

найденных.

– Это верно. Я тоже слышал, будто брак Матильды с германским императором не был бездетен – у них будто бы родился сын, но его во младенчестве похитили и тайно увезли... как Артура. А ведь шла о событиях совсем недавних. Вот увидишь, как подхватят и расцветят истории из твоей книги!

– Господи всемилостивый! Что англичане смыслят в наших преданиях? И что они смогут к ним добавить?

Мадок не успел ответить. Вошел аббат – отец Маэль, плотный человек, из-за теплой одежды, поддетой под облачение, казавшийся толще, чем был в действительности.

Клирики приветствовали его, как подобает, а Бедный Том постарался забиться в угол, хотя аббат не обратил на него внимания.

– Мир вам, братья. Я хочу поговорить с тобой, брат Гальфрид (он назвал магистра его латинским, а не валлийским именем). Пришли богомольцы с той стороны границы... может, лучше назвать их беженцами... они долго шли, потому вести уже не новы, но...

– Дурные вести?

– Это зависит от того, – медленно произнес аббат, – чью сторону держит тот, кто слышит о них.

– Что случилось?

– Отряды короля Стефана захватили Оксфорд. То есть «захватили» – не совсем верно. Они его полностью сожгли.

– О Боже! А как же церкви? Монастыри?

– Беженцы сказали – полностью... Императрица заперта в Оксфордском замке, но это ненадолго. Ее обложили со всех сторон. В замке мало припасов, и никто не придет к ней на помощь. Все кончено, брат Гальфрид.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.